

Коломейцева Мария Андреевна

ОСОБЕННОСТИ СКЛАДЫВАНИЯ И ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ДОНУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматриваются особенности складывания крестьянского населения на Дону. Прослеживаются этапы становления крестьянства и динамика численности крестьянского населения во второй половине XIX - начале XX века. Показано, что формирование крестьянского населения шло не столько за счет естественного прироста, сколько по причине непрекращающихся миграций аграрного населения, ставших одной из особенностей развития региона. Раскрывается влияние крестьянства на социально-экономические процессы в регионе. Выявлена внутренняя структура крестьянства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/5/28.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 5(67) С. 108-112. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

различается. Знаки различаются и сравниваются между собой в зависимости от принадлежащих им физических свойств. Так создаётся жизненный мир индивида, обладающий определённой структурой. Определённое мироустройство бытия обычно приписывают существу, но это, на наш взгляд, не совсем правильно. Знаем мы не сущее само по себе, а лишь его бытийный образ. Причём этот образ не «открывается», а создаётся бытием как знаковый. Можно сказать, что знак «овеществляет» бытие сущего. Бессознательные бытийные потребности прорываются в наличное бытие, творя символический ценностный образ сущего, ставя его себе на службу, то есть, ценностно относясь к нему как средству реализации потребности. Интерпретация знаков образует текстуру по-знания, то есть устоявшиеся способы связи и использования сущностей. Таким образом, познание интерпретирует знаки, создавая осознанный «жизненный мир» – бытийный способ выживания индивида, создаваемый им для приспособления к движению сущего.

Список литературы

1. **Аристотель.** Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. 550 с.
2. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М.: Прогресс, 1987. Т. 3. 832 с.
3. **Фрагменты ранних греческих философов** / сост. и пер. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. 576 с.

EXISTENCE OF MATTER

Kletskin Mikhail Vasil'evich, Ph. D. in Philosophy
Samara State Aerospace University
samkoms@mail.ru

The article is devoted to the philosophical comprehension of the place of the category “matter” in ontology. The interconnection of the categories of existence, matter and thinking is analyzed, and a praxeological model of their integration is suggested. Also the thesis about the invalidation of the formal-logical identification of matter and existence is substantiated, as these notions make up contradiction formally. It is suggested specifying the content of the term “the unconscious” and establishing the role of unconscious thinking in the formation of actual existence as a medium between matter and its comprehension.

Key words and phrases: matter; existence; non-existence; the unconscious; thinking; truth.

УДК 94(282.247.36)08

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются особенности складывания крестьянского населения на Дону. Прослеживаются этапы становления крестьянства и динамика численности крестьянского населения во второй половине XIX – начале XX века. Показано, что формирование крестьянского населения шло не столько за счет естественного прироста, сколько по причине непрекращающихся миграций аграрного населения, ставших одной из особенностей развития региона. Раскрывается влияние крестьянства на социально-экономические процессы в регионе. Выявлена внутренняя структура крестьянства.

Ключевые слова и фразы: Дон; крестьянство; динамика численности; социальная структура; миграции аграрного населения; хозяйственная колонизация; поземельные отношения.

Коломейцева Мария Андреевна, к.и.н.
Московский институт лингвистики
marijaandreeva@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СКЛАДЫВАНИЯ И ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ДОНУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Формирование крестьянства на Дону происходило, начиная с XVII, после заселения региона казачеством. Увеличение численности крестьянского населения шло в основном за счет миграций на Дон беглого крепостного крестьянства. Спасаясь от крепостного гнета, тысячи крестьян бегут на Дон, привлеченные слухами о казачьей вольности и обилием пустующих земель. Массовая колонизация Дона являлась одной из характерных особенностей развития региона, оказывала влияние на демографическую картину, социально-экономические процессы в регионе, культуру края.

В истории складывания крестьянского населения на Дону можно выделить ряд этапов.

Первый – колонизация Дона крестьянским населением конца XVI – середины XVIII (до установления крепостного права на Дону). На войсковые земли в большинстве своем переселялись выходцы из близлежащих областей: Воронежской, Белгородской, Курской, Орловской губерний, но особенно из Слободской и Левобережной Украины. Причем число малороссиян постоянно возрастало, что объяснялось не только близостью региона, но и тем, что вплоть до 80-х гг. XVIII века на Украине признавалось право свободных переходов крестьян. Так, в 40-50-е гг. XVIII века на землю Войска Донского из Слободской Украины прибыло около 37 тысяч украинцев, в результате чего удельный вес малороссиян составил 28,7% [1, с. 47].

Начальный этап характеризовался нарастанием темпов самовольных переселений, а также относительной свободой передвижения и выбора места жительства переселенцев. Кроме того, сохранялась возможность перехода крестьян в казачье сословие. Экономическое освоение края вследствие военного характера казачества происходило более замедленными темпами, поэтому аграрное население не было еще стеснено в возможностях развития собственного хозяйства. Однако большинство из переселенцев стремилось перейти в казачье сословие, чтобы получить свободу и все полагающиеся казакам привилегии. Поскольку регистрация внутренних миграций в данный период практически не велась, судить об общей численности переселенцев крайне затруднительно. Исследователи приводят следующие цифры о численности крестьян-переселенцев на Дону: А. П. Пронштейн – к. XVIII в. – 55 тысяч, 1859 г. – почти 300 тысяч (около 30% крестьян); С. Брук и В. Кабузан – 81 тысяч и 287 тысяч соответственно [1, с. 49; 19, с. 57]. Таким образом, темпы прироста крестьянского населения на Дону за полвека (с конца XVII – до середины XVIII) составили почти 300%.

Многотысячные миграции на данном этапе оказали существенное влияние на эволюцию традиционного донского сообщества. На фоне крестьянской колонизации окончательно оформляется сословная замкнутость казачества. С середины XVIII в. доступ в казачье сословие крестьян был законодательно ограничен, а к концу века стал возможен лишь в исключительных случаях. Активное занятие переселенцами пустующих земель и развитие хозяйственной деятельности стали одним из оснований для оформления исключительного права казачества на землю. В 1793 г. грамотой Екатерины II вся земля закреплялась в общественное пользование всего войска. Кроме того, в ведение войска было передано пользование природными ресурсами края, промысел [8]. И наконец, массовый приток крестьянства явился основой становления крепостного права на Дону.

Следующим этапом стало закрепощение крестьянства. Верхушка казачества занимала огромные участки земли, для работы на которых активно привлекала переселяющееся крестьянство. Переселенцы, проживавшие на казачьих землях, сохраняли личную свободу, возможность смены места жительства, обязуясь за право проживания обрабатывать землю или производить другую работу (работа на винокуренных, салотопенных заводах, на мельницах, строительные работы) [6, с. 240]. Российское правительство неоднократно предпринимало попытки сыска и поимки беглых крестьян, укрывавшихся на Дону, но донская элита, а также рядовое казачество, селившие на своих землях крестьян, всячески избегали выдачи беглых. Более того, казаки, а особенно держатели крупных земельных участков, нередко сманивали крестьян из соседних регионов, привлекая их возможностью получения земли и льготными условиями работы [20, с. 23]. Со временем, на Дону возникли целые хутора представителей донской элиты, где трудилось пришлое крестьянство [5, с. 222]. Активное привлечение крестьян к обработке казачьей земли и укрепление позиций верхушки донского казачества стали основой для постепенного закрепощения крестьян.

В 1763 г. все переселенцы-крестьяне были записаны в подушный оклад, для чего полагалось приписать их либо к отдельным лицам, либо к целым казачьим обществам. По данным переписи 1763 г. крестьян значилось 232 поселения с 20.422 душами [2, с. 75-76]. Официально крестьянство сохраняло личную свободу, однако самовольное переселение с места приписания было запрещено. Крестьяне, записанные в перепись 1763 г., положили начало формированию сословия коренного донского крестьянства. Число их за счет естественного прироста и непрекращающихся миграций постоянно росло. По данным на 1795 г. всех крестьян числилось 59.492, из них за помещиками – 54.628, за станицами – 3.864 [Там же]. Несмотря на сохранение личной свободы, крестьянство не имело дополнительно никаких прав: проживание официально разрешалось по договоренности с казачьим обществом, крестьяне не могли принимать участие в станичных делах, полностью подчиняясь решениям войсковой администрации или же отдельных лиц, за которыми они были записаны.

В 1796 г. указом Павла I произошло окончательное закрепление крестьян за местами приписания. Фактически этот указ означал установление крепостного права на Дону. Параллельно шло оформление донского помещичества. В 1798 г. звания казачьих чинов были приравнены к чином регулярных войск. В 1835 г. было издано «Положение об управлении Войска Донского», согласно которому донским помещикам – «поместным чиновникам» предписывалось нарезать 15-20 десятин на ревизскую душу крестьян. Право на получение наделов было предоставлено беспоместным чиновникам на условиях пожизненного пользования с правом выкупить их в потомственную собственность. Впоследствии, в 1870 г., в потомственную собственность были переведены срочные участки мелкопоместных чиновников. В первой трети XIX века, таким образом, происходит становление помещичества и зависимого крестьянства. Число крестьян по 8 ревизии 1834 г. составляло 102.560 душ (из них – 3.626 дворовых) [Там же]. В это же число вошли не только собственно донские крестьяне, но также крестьяне, купленные помещиками за пределами войска.

Крестьяне, записанные за станицами, к указанному времени фактически не упоминаются. Сохранявшееся их незначительное число (около 4 тысяч) было записано в начале XIX века в казачество.

Использование труда крепостного крестьянства в Области Войска Донского происходило на тех же условиях, что и повсеместно в России. Донское крестьянство обязано было отрабатывать барщину, достигавшую в среднем 3-4, а в некоторых случаях и 6 дней в неделю; многие помещики применяли систему посылки крестьян на господские поля сроком на 2-3 недели. Нередко встречались хозяйства, где применялась месячина. Был распространен оброк, как натуральный, так и денежный. Донские помещики использовали труд крепостных в промышленности, где также применялась барщина в гужевом транспорте, в строительных работах.

Положение донского крепостного крестьянства было тяжелым, и все же крепостное право на Дону имело ряд особенностей: во-первых, оно было установлено гораздо позже, чем в самой России, и не достигало своего классического максимума с полным произволом помещиков. Само донское помещичество оставалось, прежде всего, войсковым сословием, несение военной службы являлось приоритетным. Развитие хозяйственной деятельности в пределах имений являлось не основой, а скорее следствием принадлежности к верхушке

казачьего общества. Кроме того, особенность становления института крепостничества на Дону заключалась в том, что изначально не крестьяне были прикреплены к земле, а земля закреплялась за крестьянами, и, нарезанная на крестьян, переходила в потомственную собственность их владельцев. Образно охарактеризовал эту особенность исследователь Дона Карасев «Там (в России – М. К.) крестьяне пришли к помещику по земле, а у нас – земля по крестьянам» [Там же, с. 86]. Средний надел, находившийся по Положению 1835 г. в обработке крестьян, составлял до 15 десятин земли и значительно превосходил показатели землепользования в центральной России. Для степной зоны размер участка в 10 десятин не всегда мог оказаться достаточным для развития продуктивного хозяйства, однако, безусловно, донские крестьяне были в меньшей степени стеснены в земельном отношении. Что оставалось неизменным – это полное бесправие крепостного населения. И в этом отношении положение донских крестьян было ничем не лучше великороссийского крестьянина.

Всего в 1858 г., по материалам 10 ревизии, помещиков, имевших до 20 душ, насчитывалось 1936, от 21 до 100 душ – 681, от 101 до 500 душ – 232, от 501 до 1000 душ – 41, а свыше 1000 – 14 помещиков [4, с. 217]. Основная масса владений донских помещиков располагалась на пустующих землях Донецкого и Миусского округов, куда по Положению 1835 года полагалось свести и всех принадлежавших им крестьян, проживавших на территории казачьих станиц. В связи с этим решением впоследствии наибольшее число крестьянских поселений традиционно располагались в указанных выше районах.

Третий этап приходится на вторую половину XIX века. Содержание его составили общероссийские мероприятия по отмене крепостного права и наделению аграрного населения правами свободных граждан. Крепостное право на Дону было отменено реформой 1861 г., которая проводилась на тех же основаниях, что и повсеместно в России. После реформы 1861 г. крестьянство Дона обрело официальное право на получение земельного надела, организацию общественной жизни, ему был гарантирован определенный набор прав. Однако последствия реформы имели свои особенности на Дону. Во-первых, по реформе донское крестьянство существенно было урезано в фактическом землепользовании, так как наделение земель происходило из расчета в 3-4 десятины в зависимости от местности. Для степного региона подобный надел был не просто недостаточен, в отдельных местностях он не давал даже прожиточного минимума. В будущем именно этот фактор обеспечил широкое развитие на Дону земельной аренды. Во-вторых, в социальной структуре донского общества крестьянство хотя и получило личную свободу, оставалось по отношению не только к помещикам, но и к рядовому казачеству в положении наименьшей правовой обеспеченности. Все проводившиеся в дальнейшем реформы, в том числе либеральные начинания Александра II, проходили в регионе под контролем войсковой администрации с вполне оправданным максимальным приложением возможностей реформ к казачьему населению. И, наконец, в самой структуре донского крестьянства после проведения реформы произошло четкое разграничение двух отдельных категорий – коренного крестьянства, участвовавшего в реформе 1861 г. и получившего землю на условиях надела, и иногороднего, переселявшегося на Дон уже после реформы. Социально-правовое и экономическое положение двух категорий качественно различилось.

Период со второй половины XIX века характеризовался активным включением массы крестьянства в самостоятельную хозяйственную деятельность, развитием социальной инфраструктуры в крестьянских поселениях, активным участием в социально-экономических и политических процессах на Дону.

В пореформенный период Дон оставался одним из крупнейших казачьих регионов. В то же время в регионе отмечался интенсивный промышленный подъем, рост городов, что способствовало увеличению неказачьего – торгово-промышленного и рабочего населения. Еще интенсивнее шел процесс прироста аграрного населения за счет непрекращающихся миграций на Дон крестьянства. Важную роль в интенсивной колонизации Дона сыграл закон от 29 апреля 1868 г. «О дозволении русским подданным вневойскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск... не спрашивая согласия ни войскового начальства, ни городского или станичного общества» [18]. В области сохранялся значительный запас пустующих земель, передававшихся войсковой администрацией в аренду, что привлекало переселенцев из центральных регионов, где наблюдался земельный голод. В аренду сдавали свои земли донские помещики, лишенные реформой 1861 г. свободных рабочих рук, а также казаки, занятые военной службой. Привлеченные обилием пустующих земель тысячи крестьян переселялись на Дон, на правах аренды или самовольно занимая пустующие участки. Общая численность населения по сравнению с серединой XIX века – 793.758 человек [3, с. 5] увеличилась к началу XX века более чем в 3 раза и составила свыше 2,5 млн человек [17, с. 11]. Численность войскового сословия уступала общей численности крестьян, мещан, купцов и других представителей невойскового сословия и составляла менее 50% [Там же, с. 48].

Численность крестьянского населения росла быстрыми темпами. Если в начале 70-х гг. крестьян по официальным данным значилось 300 тысяч, а в 1885 г. (вместе с бывшими государственными крестьянами присоединенного в 1881 г. к Области Ростовского уезда) – 440 тысяч, то уже в 1890 г. – 600 тысяч, в 1903 г. – 760 тысяч, 1908 г. – 840 тысяч, 1913 г. – 906 тысяч душ обоего пола (подсчитано по: [9, с. 11-12; 10, с. 257-258; 11, с. 241-242; 13, с. 4-7; 14, с. 3-4; 15, с. 4-6]). Учитывая, что часть пришлого населения в силу смены мест проживания часто в официальную статистику не включалось, можно предположить, что численность крестьянства могла быть несколько выше.

Крестьяне традиционно образовывали отдельные поселения – села, объединенные в волости. В связи с тем, что крестьянское население формировалось на Дону в результате стихийных миграций, зачастую крестьянские поселки возникали среди казачьих поселений, образовывая как отдельные слободы, так и целые села в казачьих округах. В итоге крестьянское население распределялось по области крайне неравномерно. Так, в Черкасском округе, где проживало в основном казачество, располагались 3 крестьянские волости общей численностью около 8 тысяч, в Сальском – две, численностью около 5 тысяч человек [11, с. 229-239]. Традиционно округами,

где превалировало крестьянство, являлись районы, где ранее находилась основная масса помещичьих хозяйств, – Донецкий, Усть-Медведицкий, а также Таганрогский и Ростовский округа (в которых ранее проживали государственные крестьяне присоединенного к Области в 1881 г. Ростовского уезда). К концу XIX века крестьянское население по округам распределялось следующим образом: Таганрогский – 296.829 душ обоого пола, Донецкий округ – 177.633, Ростовский – 148.501, Усть-Медведицкий – 37.758, Хоперский – 25.745, Черкасский – 24.931, 1 Донской – 22.976, 2 Донской – 17.448, Сальский – 5.299 [13, с. 4-7]. Количество волостей, населенных преимущественно крестьянами, преобладало над количеством станиц и постоянно росло за счет новых переселений. В 1890 г. на территории области насчитывалось административных единиц: 121 станица и 133 волости, в 1903 г. – станиц 122, волостей – 143, в 1913 г. станиц – 133, волостей – 162 [11, с. 229-239].

Крестьянские поселки отличались значительно по численности населения. Самые крупные были сосредоточены в Ростовском округе; так, численность населения Кагальницкой волости составляла более 25 тысяч, наименьшая численность отмечалась в Отрадовской волости – около 3 тысяч душ обоого пола. Всего в округе насчитывалось 12 волостей. В Таганрогском округе, где проживало наибольшее число крестьян, насчитывалось 50 волостей средней численностью около 6 тысяч человек, при этом в одной Макеевской волости проживало около 12 тысяч. В то же время в отдельных округах численность целых волостей могла едва достигать 1-1,5 тысяч. Крестьянские села традиционно располагались по берегам рек и имели достаточно четко выраженную уличную планировку. Образованные на территории казачьих станиц поселения крестьян выделялись в отдельные слободы.

Интересна статистика по признаку пола: в крестьянских поселениях число женщин уступало числу мужчин, в отличие от казачьих, где женское население превалировало над мужским. Так, по ведомости «О числе населенных мест и жителей в Области Войска Донского за 1869 год» в казачьих станицах и хуторах проживало 352 тысячи мужчин и 372 тысячи женщин, в то время как в крестьянских поселениях отмечалось 171 тысяча и 168 тысяч соответственно [9, с. 11]. По данным I Всеобщей переписи 1897 г. по области войсковое казачье население составляло около 498 тысяч мужчин и 528 тысяч женщин, крестьянское – 638 тысяч и 585 тысяч соответственно [17, с. 48]. Преобладание женского населения в казачьем сословии объяснялось большими потерями казаков-военнослужащих. Что же касается крестьянства, то в данном случае фактором более низких количественных показателей численности женщин являлась высокая смертность среди женского населения по причине отсутствия медицинской помощи в крестьянских селах. Особенно высокая смертность отмечалась в результате осложнений при родах.

По социальному составу крестьянство четко разделялось на 2 категории: коренное крестьянство и иногороднее. Коренное крестьянство составляло практически замкнутую группу, со своим укладом и системой управления. Иногороднее крестьянство проживало на казачьих и крестьянских землях по договоренности – на правах аренды или покупки земли или же самовольно занимая участки. В последнем случае положение переселенцев было крайне нестабильным. Местное население, как казачье, так и крестьянское, зачастую выражало недовольство новоявленным соседством, нередко в открытой форме, например, путем запрета пользования угодьями. В случаях, когда поселения иногородних стесняли казачьи довольствия, администрация могла прибегнуть к насильственному выселению [7, с. 9]. Помимо необходимости аренды или покупки, за право проживания переселенцы обязаны были выплачивать так называемую посаженную плату, а также уплачивать различные общественные повинности и сборы. В социально-правовом отношении они оставались одной из самых слабозащищенных категорий, не имели прав ни в казачьей, ни в крестьянской общине, были лишены доступа к разного рода социальным благам.

Вместе с тем, массовая миграция на Дон в пореформенный период оказала важное влияние на развитие социально-экономических отношений. В 1900 г. численность иногороднего населения составила свыше 400 тысяч, из которых в среднем в станицах и волостях осело по 36% [12]. Только в 1908 г. отмечалось прибывших на жительство посторонних лиц – около 41 тысячи человек [14, с. 4]. Крестьяне-переселенцы включались в аграрное производство, наиболее зажиточная часть активно прибегала к аренде, реже – покупке земли. Наименее обеспеченная пополняла ряды сельскохозяйственных рабочих, спрос на которых на Дону был стабильно высоким. Среди пришлого населения было много мастеровых людей, представителей торговых кругов, открывавших в самых отдаленных поселках лавочки и кустарные мастерские.

Таким образом, в складывании крестьянского населения на Дону можно выделить ряд этапов, различающихся по содержанию и особенностям социально-правового и экономического положения крестьянства. Особенностью формирования крестьянского населения на Дону являлось то обстоятельство, что в отличие от большинства регионов России на Дону увеличение численности крестьянства происходило не столько за счет естественного прироста, сколько за счет непрекращающихся миграций аграрного населения. Внутренняя структура донского крестьянства также имела свою характерную особенность: крестьянство делилось не только по имущественному признаку, но и в социально-правовом отношении образовывало две совершенно разные категории – коренное и иногороднее. Динамика численности населения демонстрирует постоянный прирост крестьянства, в целом внесшего свой значительный вклад в освоение и развитие региона.

Список литературы

1. Брук С. И., Кабузан В. М. Миграция населения в России в XVIII – начале XX веков (численность, структура, география) // История СССР. 1984. № 4. С. 41-59.
2. Карасев А. А. Донские крестьяне // Труды Областного Войска Донского статистического комитета. 1867. Вып. 1. С. 72-119.
3. Кеппен П. Предварительные сведения о числе жителей в России по губерниям и уездам в 1851 году (на основании данных 9-й народной переписи). СПб., 1854. 187 с.

4. Коршиков Н. Дворянское землевладение на Дону // Дон. 1997. № 12. С. 206-226.
5. Коршиков Н. Земля и воля. Реформирование землепользования на Дону в первой половине XIX века // Дон. 1994. № 1. С. 222-234.
6. Коршиков Н. Как жили на Дону (XVIII – I половина XIX в.) // Дон. 1997. № 5. С. 223-252.
7. Кушныренко-Кушнырев М. А. Краткий обзор сельскохозяйственного промысла за 1913 год в Области Войска Донского. Новочеркасск: Тип. «Донской печатник», 1914. 245 с.
8. Маркедонов С. М. Донское казачество и Российская империя (история политических отношений) // Общественные науки и современность. 1998. № 1. С. 103-111.
9. Памятная книжка Области Войска Донского на 1871 год (ПК ОВД). Новочеркасск: Областная Войска Донского типография, 1871. 144 с.
10. ПК ОВД на 1887 год. Новочеркасск: Областная Войска Донского типография, 1887. 266 с.
11. ПК ОВД на 1892 год. Новочеркасск: Областная Войска Донского типография, 1892. 408 с.
12. ПК ОВД на 1900 год. Новочеркасск: Областная Войска Донского типография, 1900. 142 с.
13. ПК ОВД на 1905 год. Новочеркасск: Новочеркасская частная типография В. П. Болдырева, 1905. 175 с.
14. ПК ОВД на 1910 год. Новочеркасск: Новочеркасская частная типография В. П. Болдырева, 1910. 167 с.
15. ПК ОВД на 1914 год. Новочеркасск: Эл.-Типография Ф. Туникова, 1914. 800 с.
16. ПК ОВД на 1915 год. Новочеркасск: Областная Войска Донского типография, 1915. 778 с.
17. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897: в 89-ти т. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Издание Центрального статистического комитета внутренних дел, 1905. Т. XII. Область Войска Донского. 239 с.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. СПб., 1873. Т. 43. Отд. 1. № 45785. § 1.
19. Пронштейн А. Роль казачества и крестьянства в заселении и хозяйственном освоении Дона и Степного Предкавказья в XVIII – первой половине XIX вв. // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Сер. Общественные науки. 1982. № 1. С. 55-59.
20. Савельев Е. П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим. Историко-статистический очерк. Новочеркасск, 1917. 97 с.

SPECIFICS OF FORMATION AND DYNAMICS OF PEASANT POPULATION IN THE DON REGION IN THE SECOND HALF OF THE XIX – AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Kolomeitseva Mariya Andreevna, Ph. D. in History
Moscow Institute of Linguistics
marijaandreeva@mail.ru

The article examines the specifics of peasant population formation in the Don region. The author traces the stages of peasantry formation and the dynamics of peasant population in the second half of the XIX – at the beginning of the XX century. The paper shows that peasant population formation was carried out not so much at the expense of natural increase as due to the continuous migrations of agrarian population, which became one of the peculiarities of the region development. The researcher discovers peasantry's influence on socio-economic processes in the region, identifies the internal structure of peasantry.

Key words and phrases: The Don; peasantry; population dynamics; social structure; agrarian population migrations; economic colonization; land relations.

УДК 93/94+373.2-6

Исторические науки и археология

В ходе формирования общегосударственной идеологии особую роль играли учреждения просветительской направленности, служившие дополнительным ресурсом в достижении образовательно-воспитательных целей правительства. Несмотря на жесткий контроль со стороны государства, все эти учреждения становились действенными механизмами просвещения широких общественных слоев, включая непривилегированные сословия. В статье на примере Владикавказа показаны конкретные формы внешкольного образования, возникшие здесь в переформенные десятилетия.

Ключевые слова и фразы: Владикавказ; внешкольные учреждения; законодательство; народные чтения; общественные библиотеки; народные читальни; педагогические музеи; Терский областной музей.

Ладонина Наталья Александровна

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева
Владикавказского научного центра Российской академии наук
и Правительства Республики Северная Осетия-Алания
natasha-ladonina@yandex.ru*

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ВНЕШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В Г. ВЛАДИКАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Процессы, связанные с капитализацией экономики, урбанизацией городской жизни и качественными изменениями общей социокультурной ситуации на Северном Кавказе, обусловили появление и развитие сети внешкольных учреждений, которые рассматривались как важные дополнительные средства народного просвещения.